

СИСТЕМА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПАДЕЖЕЙ В СОВРЕМЕННОМ УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ: литературный язык vs диалекты

Л. Л. КАРПОВА,

*доктор философии по специальности «Уральские языки»,
старший научный сотрудник Удмуртского института истории,
языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук*

Н. В. КОНДРАТЬЕВА,

*доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
(г. Ижевск, РФ)*

В удмуртском языкознании лингвистическая традиция изучения падежной системы начинается с первых грамматик [18; 27] и неразрывно связана с исследованием данной лексико-грамматической категории в общепермском контексте [13; 17 и др.]. Специальному изучению отдельных падежей и групп падежей пермских языков посвящены труды многих ученых, в частности, Е. С. Гуляева [4], Р. Бейкера [22], Г. А. Некрасовой [16], Н. В. Кондратьевой [9–11], в которых освещается семантика падежей, рассматривается генезис значений и падежных морфем. Несмотря на наличие серьезных разработок по падежам пермских языков, в научной литературе до сих пор не получило должного освещения функционирование падежей в удмуртском диалектном континууме. С учетом вышесказанного данное исследование посвящено описанию особенностей функционирования пространственных падежей в диалектах севернoudмуртского языкового ареала. Особое внимание уделяется специфическим явлениям, свойственным в основном севернoudмуртским диалектам и/или имеющим в них ограниченное распро-

странение. Фактический материал анализируется и интерпретируется в контексте удмуртского языкового диалектного ландшафта.

Система словоизменения литературного удмуртского языка представлена 15 членами падежной парадигмы, среди которых разграничиваются 8 субъектно-объектных (номинатив, аккумулятив, генитив, аблатив, датив, каритив, инструменталь, адвербиаль) и 7 пространственных падежей (инессив, иллатив, элатив, эгрессив, пролатив, терминатив, аппроксиматив). Однако для современных диалектов может быть характерно как увеличение количества членов парадигматического ряда, так и его сокращение, прежде всего за счет расширения/сужения системы пространственных падежей.

Количество пространственных падежей в диалектах варьируется от 5 до 13. Во многих периферийно-южных и некоторых южных говорах оно имеет тенденцию к сокращению за счет замещения аппроксимативных форм послеложными конструкциями [8, 117]: удм. лит. *гуртлань* 'в сторону деревни, по направле-

нию деревни' > кукм. *гурт пала* 'тж'. Минимальное количество пространственных падежей представлено в парадигме склонения имен красноуфимского говора, где наряду с аппроксимативом отсутствует и элатив, функциональная нагрузка которого передается формами пролатива: *шо карти ъктиж* 'он вернулся из города Красноуфимска' [8, 118; 15, 96–97]. Имеются также ареальные колебания и в плане частотности употребления тех или иных падежных форм. В частности, в северных диалектах и некоторых периферийно-южных говорах (кукморском, буйско-таныпских и др.) значительно реже, чем в литературном языке, употребляется терминатив; его заменяет эквивалентное сочетание имени существительного с послелогом *дороз'*, *дыроз'* 'до' [8, 118]: удм. лит. *бакчаозь* 'до огорода'; *валозь* 'до лошади' > б.-тан.: *бакча дыроз'* 'тж'; *вал дыроз'* 'тж'.

Для североудмуртских диалектов характерна тенденция к увеличению числа падежей, что связано с развитием серии вторичных приблизительно-местных падежей с *н'*-евым признаком, возникших в результате секреции послелогов с основой *дин'*- 'у, около, при, возле'. Ареал их распространения ограничивается нижнечепецкими говорами (слободским, косинским) [19, 167; 21, 285–286], среднечепецким диалектом и говорами северо-западной части Кезского района [6, 86–88; 14, 201]. В верхнечепецких говорах аналогичные падежные формы отсутствуют: им соответствуют конструкции с послелогом с основой *дин'*- (*эшэ дин'э* 'к своему другу', *эшэ дин'ыс'* 'от своего друга').

Дистрибуция новых падежей ограничена существительными и местоимениями со значением «лицо», в связи с чем они имеют узкую семантику, характеризующуюся выражением пространственно-посессивных отношений. Они обозначают не просто местонахождение около кого-(чего-)либо, движение по направлению к кому-(чему-)либо и т. д., а «нахождение в доме (домашнем очаге, жилище,

в пределах усадьбы), который принадлежит кому-либо, направление движения в дом (жилище), принадлежащее кому-либо, и т. д.» [14, 194].

Относительно происхождения падежных форм с элементом *-н'*- существуют разные мнения. Например, А. И. Емельянов [5, 123] предполагал, что формант *-н'э* глазовского диалекта восходит к послелогу, образовавшемуся от имени существительного *ин* 'место' + падежное окончание. Мы придерживаемся точки зрения исследователей, объясняющих происхождение показателя *-н'*-на базе послелогов с основой *дин'*- 'у, около, возле, при', которые, в свою очередь, сформировались от имени существительного *дин'* 'основание, комель; близость, околица' [2, 236; 21, 287; 26, 50, 135–136].

В среднечепецком диалекте, как показывает анализ собранного языкового материала, *-н'*-евый признак систематически встречается в четырех падежах, чаще всего в инессиве и иллативе, реже в элативе, эгрессиве. Примеры-предложения: Кач. *сос'эдн'э гинэ вэтлоз*. '[В дом] к соседу только сходит [он]'; Пыш. *тан'нош къццъ кэ пъриз, кол'аосн'ън, вьлдъ*. 'Вот снова куда-то исчез [он], в [доме] Коли [находится], наверно'; Деб. *кал'эшэн'ъс'эн мон сойэ пумитай*. 'Только что в [доме] друга своего я его встретил'; Деб. *вал'аосн'ъс'къцэ кэ тодмотэм ад'ами потиз*. 'Из [дома] Вали какой-то незнакомый человек вышел' [6, 87].

Что касается приблизительноного пролатива и приблизительноного терминатива, то примеров на их употребление в наших текстовых записях фольклорного и повествовательного характера не обнаружилось. Однако в материалах, собранных по специальному словнику-вопроснику по определению ареала распространения отдельных явлений, наличие этих падежных форм фиксируется. Некоторые примеры: Чузив. *сос'эдн'оз'* 'до соседа', *сос'эдн'ыт'и* 'у соседа', Ник. *ад'амин'оз'* 'до человека', *ад'амин'ыт'и* 'у человека'. Данный факт свидетельствует, как нам кажется, о вполне реаль-

ном функционировании приблизительного пролатива и приблизительного терминатива в среднечепецком диалекте. В нижнечепецких говорах зафиксировано также пять форм приблизительно-местных падежей: приблизительно-местный, приблизительно-входный, приблизительно-исходный, приблизительно-отдалительный, приблизительно-переходный [21, 285–286].

В фольклорных текстах по среднечепецкому диалекту, записанных в конце XIX и начале XX столетия [3; 23–25], в материалах лингвистической экспедиции Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН [ЛЭ 1929], а также в работах исследователей причепецких диалектов [2, 228–241; 12, 218–227] из приблизительно-местных падежей главным образом встречаются приблизительный инессив и приблизительный иллатив, в единичных случаях – приблизительный элатив. Некоторые примеры: *одиг-огзыце* [3, 73] ‘друг к другу’, *timizhin* [23, 114] ‘у своей матери’, *uarmaizhe* [24, 139] ‘к своему тестю’, *минням* [ЛЭ 1929, 55] ‘к нам’, *адямине* [12, 224] ‘к человеку’, *староверньын* [2, 236] ‘у старовера’, *староверньысь* [2, 236] ‘от старовера’ и т. д. В диалектных источниках и работах более позднего периода отмечаются формы и других падежей с *-н'-евым* признаком. В частности, в материалах диалектологических экспедиций студентов Удмуртского государственного университета [ДЭ 1980; ДЭ 1983; ДЭ 1983а; ДЭ 1988; ДЭ 1995] по среднечепецкому региону кроме указанных двух приблизительно-местных падежей зафиксированы падежные формы с формантами *-н'ыс'*, *-н'ыс'эн*, *-н'ыт'и*, *-н'оз'*. Правда, следует указать, что в текстовых записях эти последние четыре падежа, как и в наших личных собраниях, практически не встречаются, их наличие в том или ином населенном пункте фиксируется в основном в словарных статьях экспедиционных материалов, собранных по специальной программе-вопроснику.

Неодинаковая частотность употребления, с одной стороны, приблизительного

инессива и приблизительного иллатива соответственно с формантами *-н'э*, *-н'ын* и, с другой стороны, приблизительного элатива, приблизительного эгрессива, приблизительного пролатива и приблизительного терминатива соответственно с формантами *-н'ыс'*, *-н'ыс'эн*, *-н'ыт'и*, *-н'оз'*, по-видимому, обусловлена различием в частотности выражаемых ими отношений.

Интересно высказывание Р. Бейкера относительно характера функционирования *н'-евых* падежей в северноудмуртских говорах. Обращаясь к материалам Т. И. Тепляшиной [21, 283–292], исследователь задается вопросом: что представляют собой четыре других падежа с формантами *-н'ыс'*, *-н'ыс'эн*, *-н'ыт'и*, *-н'оз'*, выявленные ею в нижнечепецких говорах в дополнение к двум признанным падежным формам с показателями *-н'э*, *-н'ын*, – выступают ли они как реликтовое явление процесса трансформации послелогов с основой на *дин'-* в падежное окончание или функционируют реально? Не имея возможности привлечь дополнительный материал из других удмуртских говоров для разрешения поставленной проблемы и опираясь лишь на имеющиеся сведения, Р. Бейкер тем не менее полагает, что падежные формы на *-н'э*, *-н'ын* – «аллатив II» и «абессив II» – возможно, возникли раньше, чем остальные приблизительно-местные падежи с формантами *-н'ыс'*, *-н'ыс'эн*, *-н'ыт'и*, *-н'оз'* [22, 173–174].

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что параллельно с падежными формами с элементом *-н'-* в среднечепецком и нижнечепецком диалектах функционируют послеложные конструкции с послелогом с основой *дор-*, например: Ук. *кузой-эн соос лыкти-зы мужикэ доры*. ‘Вдвоем (‘парой’) они пришли к моему мужу’; Кож. *тин' оз' пийэ улиз с'эстрайэ дорын*. ‘Вот так мой сын жил у моей сестры’. Наиболее часто использование аналитической конструкции с послелогом *дор-* наблюдается на месте возможных форм употребления приблизительного элатива, приблизительного эгрессива, приблизи-

тельного пролатива и приблизительного терминатива.

Приблизительно-местные падежи кроме северноудмуртских диалектов встречаются также в бесермянском наречии [20, 184]. Наличие локальных падежей с элементом *-н'*, образованных от послелогов с основой на *дын-/дин-*, отмечается и в коми-пермяцких диалектах [1, 138–140]. По мнению Р. Бейкера, процессы разрушения послелогов и вследствие этого образования новых падежных формантов с элементом *-н'*, наблюдающиеся в северноудмуртских и южнокоми-пермяцких говорах, происходили в каждом из этих языков параллельно и независимо друг от друга [22, 198]. Следовательно, развитие в удмуртских и коми-пермяцких диалектах приблизительно-местных падежей из послелогов с основой удм. *дин'*, кп. *дын-/дин-* представляет собой позднее явление.

В большинстве удмуртских диалектов приблизительно-местным чаще всего соответствуют послеложные конструкции с послелогам, образованными от основ *дор-* и *дин'* – ‘у, около, возле, при’, например: юж., сред. *эшэз доры*, вч. *эшэз дин'э* ‘к другу своему’.

Помимо количественной разницы в системе пространственных падежей литературного удмуртского языка и диалектов собранные диалектные материалы позволяют говорить и о наличии семантических колебаний в дистрибуции конкретных падежных форм. Семантическое варьирование падежных форм в литературном языке и диалектах может стать объектом специальных научных изысканий, здесь же мы ограничимся лишь несколькими примерами на материале северноудмуртских диалектов. Так, в среднечепецком и нижнечепецком диалектах встречаются отдельные случаи употребления форм эгрессива в функции элатива, например: сч. – Гул. *гурт'эс'эн нуллим с'ийон*. ‘Из деревни носили еду’; Кож. *кал' гинэ ул'чаб'эс'эн п'ри*. ‘Только что с улицы зашел [я]’; нч. – *кировыс'эн лыктим*. ‘Мы приехали из Кирова’; *ми чоланыс'эн лыктэм мурт'иос*. ‘Мы люди,

прибывшие из Круглова’. Использование формы эгрессива в функции элатива, по-видимому, объясняется близостью этих падежей с точки зрения выражения аблативных значений. В отличие от элатива, который тоже обозначает место, откуда исходит действие, словоформа в эгрессиве более конкретно указывает на место, как бы выделяя его.

В нижнечепецких говорах форма *-ыс'эн*, по материалам Т. И. Тепляшиной, употребляется также на месте литературного инессива на *-ын*: *та виыськысен толон султим*. ‘Мы проснулись вчера в эту пору’ (лит. *та виын толон султ'им*) [19, 168].

В ярском говоре среднечепецкого диалекта пролатив может выступать в функции инессива, например: Дзяк. *д'эрэвн'аыт' умой вэрало*. ‘В деревне (по деревне) хорошо говорят’; Ел. *ми пинал дьр'йа ул'чаыт' шудылим с'а-ко шудонэн*. ‘Мы в детстве на улице (по улице) играли в разные игры (во всякую игру)’? Как показывают примеры, использование пролативных форм на месте инессивных отмечается при реализации значения места, пространства, в пределах которого происходит движение (данное значение присутствует в семантической структуре обоих указанных падежей). В других удмуртских диалектах подобное явление не отмечается.

Определенные различия между удмуртским литературным языком и диалектами обнаруживаются на уровне фонетического оформления падежных показателей. В частности, в диалектах большим разнообразием морфонологических вариантов характеризуются маркеры пролатива. В системе современного литературного языка указанный падеж может оформляться суффиксами *-ет'һ/-эт'һ*, *-ыт'һ*, *-т'һ*. В южных, периферийно-южных и срединных говорах пролативный показатель представлен вариантами *-(й)эти*, *-ти*, имеющими ареальный характер распространения. В отличие от этого в северноудмуртской диалектной зоне отмечаются следующие маркеры пролатива: *-(э)т'и*, *-(ы/ь)т'и*,

-*(ы/ь)т'*, -*(э)т'*, -*ки*, употребление которых не представляет единства в говорах. Для верхнечепецких говоров характерна тенденция к использованию форманта -*(э)ти*: Алек. *губэчти пис'ай-а, ма-р-а, вэтлэ*. 'По подполью кошка, что ли, ходит'; Пол. *бакчаэти пырын но уд бы-гат тон иван дин'э*. 'По огороду и зайти не сможешь ты в дом Ивана'. В нижнечепецких говорах отмечается функционирование суффикса -*(э)т'и*: *шурэт'и* 'по реке', *коркат'и* 'по дому' [19, 163]. Что касается среднечепецкого диалекта, то в ярском и глазовском говорах обнаруживаются все варианты пролативного показателя: -*(э)т'и*, -*(ы/ь)т'и*, -*(ы/ь)т'*, -*(э)т'*, -*ки*. Юкаменскому говору указанного диалекта свойственно в основном употребление вариантов -*(э)т'и*, -*(ь)т'и*: яр., глаз. *ул'ча(э)т'и* ~ *ул'ча(ы)т'и* ~ *ул'ча(э)т'* ~ *ул'ча(ы)т'* ~ *ул'чаки*; юк. *ул'ча(э)т'и* ~ *ул'ча(ь)т'и* 'по улице'. Как показывают данные по североудмуртским диалектам, в верхнечепецких говорах в отличие от среднечепецких и нижнечепецких не происходит палатализация согласного *t* суффикса пролатива. Пролативный маркер ярского и глазовского говоров -*(ы/ь)т'* возник из формы на -*(ы/ь)т'и* путем выпадения конечного гласного *и*. Вариант -*ки*, по мнению большинства исследователей, произошел от суффикса -*ти*, который, в свою очередь, образовался путем слияния *-*t(-)* с пространственным значением и лативным -*i* (< *-*j*) [7, 65; 10, 196; 11, 93–99].

Таким образом, сравнив особенности дистрибуции пространственных падежей в современном литературном удмуртском языке и его диалектах, можно выделить следующие различия: а) на уровне фонетического оформления падежных маркеров; б) с точки зрения количественного состава словоизменительной парадигмы; в) на уровне семантического наполнения отдельных членов парадигматического ряда. Указанные различия обусловлены прежде всего экстра- и интралингвистическими факторами развития исследуемого язы-

ка, поскольку система склонения в удмуртском языке складывалась на протяжении нескольких столетий в результате влияния факторов, восходящих к разным хронологическим периодам.

Поступила 14.05.2014

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

а) языки и диалекты:

- б.-тан.* – буйско-таньпский говор удмуртского языка,
- вч.* – верхнечепецкие говоры удмуртского языка,
- глаз.* – глазовский говор среднечепецкого диалекта,
- кп.* – коми-пермяцкий язык,
- кукм.* – кукморский диалект удмуртского языка,
- лит.* – литературный язык,
- нч.* – нижнечепецкие говоры (нижнечепецкий диалект) удмуртского языка,
- сред.* – срединные говоры удмуртского языка,
- сч.* – среднечепецкие говоры (среднечепецкий диалект) удмуртского языка,
- удм.* – удмуртский язык,
- юж.* – южноудмуртские диалекты,
- юк.* – юкаменский говор среднечепецкого диалекта,
- яр.* – ярский говор среднечепецкого диалекта;

б) населенные пункты:

- Алек. – д. Александрово,
- Гул. – д. Гулеково,
- Деб. – с. Дебы,
- Дзяк. – д. Дзякино,
- Ел. – с. Елово,
- Кач. – д. Качкашур,
- Кож. – д. Кожиль,
- Ник. – с. Никольское,
- Пол. – с. Полом,
- Пыш. – с. Пышкет,
- Чурив. – д. Чуривыл;

в) источники:

- ДЭ 1980* – Материалы диалектологической экспедиции студентов Удмуртского государственного университета, Глазовский район. – Ижевск, 1980.
- ДЭ 1983* – Материалы диалектологической экспедиции Удмуртского государственного университета, Глазовский район. – Ижевск, 1983.
- ДЭ 1983а* – Материалы диалектологической экспедиции студентов Удмуртского государственного университета, Ярский район. – Ижевск, 1983.
- ДЭ 1988* – Материалы диалектологической экспедиции студентов Удмуртского государственного университета, Ярский район. – Ижевск, 1988.
- ДЭ 1995* – Материалы диалектологической экспедиции студентов Удмуртского государственного университета, Базинский район. – Ижевск, 1995.
- ЛЭ 1929* – Материалы лингвистической экспедиции. – Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Д. 338. – Ижевск, 1929.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Баталова, Р. М.* Коми-пермяцкая диалектология / Р. М. Баталова. – М. : Наука, 1975. – 251 с.
2. *Вахрушев, В. М.* Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка // Записки. – Ижевск, 1959. – Вып. 19. – С. 228–241.
3. *Гавриловъ, Б.* Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. – Казань, 1880. – 189 с.
4. *Гулъев, Е. С.* Происхождение падежей с элементом *сь* в коми языке // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар, 1960. – Вып. 5. – С. 131–160.
5. *Емельянов, А. И.* Грамматика вотяцкого языка / А. И. Емельянов. – Л. : Изд-во Ленингр. вост. ин-та, 1927. – 160 с.
6. *Карпова, Л.* Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка / Л. Карпова. – Тарту, 1997. – 224 с.
7. *Карпова, Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка : Образцы речи / Л. Карпова. – Ижевск, 2005. – 581 с.
8. *Кельмаков, В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии : Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография / В. К. Кельмаков. – Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 386 с.
9. *Кондратьева, Н. В.* Межкатегориальные связи в грамматике удмуртского языка (на материале падежа прямого объекта) / Н. В. Кондратьева. – Ижевск : Изд-во «Удм. ун-т», 2010. – 247 с.
10. *Кондратьева, Н. В.* Категория падежа имени существительного в удмуртском языке / Н. В. Кондратьева. – Ижевск : Изд-во «Удм. ун-т», 2011. – 256 с.
11. *Кондратьева, Н. В.* Формирование падежной системы в удмуртском языке / Н. В. Кондратьева. – Ижевск : Изд-во «Удм. ун-т», 2011. – 154 с.
12. *Лыткин, В. И.* Некоторые особенности глазовского диалекта / В. И. Лыткин, Т. И. Тепляшина // Записки. – Ижевск, 1959. – Вып. 19. – С. 218–227.
13. *Майтинская, К. Е.* Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков / К. Е. Майтинская. – М. : Наука, 1979. – 263 с.
14. *Максимов, С. А.* О вторичных пространственных падежах в удмуртском языке // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии : межвуз. сб. науч. тр. – Ч. 2. Языкознание. Фольклор и краеведение. – Ижевск, 1999. – С. 193–208.
15. *Насибуллин, Р. Ш.* Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия : сб. ст. – Ижевск, 1978. – С. 86–151.
16. *Некрасова, Г. А.* Система L-овых падежей в пермских языках : происхождение и семантика / Г. А. Некрасова. – Сыктывкар, 2002. – 168 с.
17. *Серебренников, Б. А.* Историческая морфология пермских языков / Б. А. Серебренников. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 392 с.
18. *Сочинения*, принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года // Первая научная грамматика удмуртского языка. – Ижевск, 1975. – С. 15–113.
19. *Тепляшина, Т. И.* Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки. – Ижевск, 1970. – Вып. 21 : Филология. – С. 156–196.
20. *Тепляшина, Т. И.* Язык бесермян / Т. И. Тепляшина. – М. : Наука, 1970. – 288 с.
21. *Тепляшина, Т. И.* О новых удмуртских падежах // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku 20.–27. VIII. 1980. Pars VI : Dissertationes sectionum : Phonologica et morphologica, syntactica et semantica. – Turku, 1981. – S. 285–292.
22. *Baker, R.* The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation / R. Baker. – Helsinki, 1985. – 266 p.
23. *Wichmann, Y.* Wotjakische Sprachproben (= JSFOu 11). I : Lieder, Gebete und Zaubersprüche. – Helsingfors, 1893. – XX + 200 S.
24. *Wichmann, Y.* Wotjakische Sprachproben (= JSFOu 19). II : Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. – Helsingfors, 1901. – IV + 200 S.
25. *Wichmann, Y.* Wotjakische Chrestomathie mit Glossar / Y. Wichmann. – Helsingfors, 1901. – V + 134 S.
26. *Wichmann, Y.* Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Anhang : Grammatikalischer abriß von D. R. Fuchs. Zweite, ergänzte Auflage / Y. Wichmann. – Helsinki, 1954. – X + 167 S.
27. *Wiedemann, F. J.* Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche / F. J. Wiedemann. – Reval, 1851. – 390 S.